

Валерий Золотухин:

Любить по-настоящему можно только вне брака

— И вы согласны с тем, что чем меньше комфорта, тем выше духовность и художник должен быть голодным?..

— Мне распеваешься хочется, когда начинают делать такие выволды! У Пушкина был комфорт, у Достоевского, у Толстого, а уж у Тургенева и подавно! Это только Достоевский шутил: «Если бы мне такие условия, как у Тургенева, я бы мог писать не хуже!» Разговоры о том, что нищета порождает духовность, а комфорт развращает — чепуха. Это советская ментальность. Мне Любимов говорил: «По твоей квалификации у тебя должна быть яхта, конный выезд, вилла...» Но это если бы я там был, на Западе. А здесь же...

— Ну сейчас, кажется, наступили такие времена, что и вы сможете и на яхту...

— Да поздно, Лора, ты полюбила вора! Мне уже 64!

— Но вы народный и востребованный...

— Я сейчас покажу тебе народного артиста! — неожиданно вскакивает, заводится и переходит на «ты». — Ты все поймешь. Или ты дура, или не понимаешь, о чем я говорю. Вот мое пенсионное удостоверение. Вот сумма. Читай.

— Пенсия начислена по старости... среднемесячный заработок 7780 рублей. Пенсия 691 рубль...

— Пятьсот девяносто один! — Нет, шестьсот — смотрите! И тридцать три копейки!

— О-о! А я всем говорю, что пятьсот. Надо же. — Золотухин повеселел от неожиданной прибавки. — Тем не менее. Во все времена искусство было молодым. Сейчас возьми сценарий — сколько там ролей для 50–60-летнего человека? Нет их. Мне надо было платить раньше, чтобы сейчас была обеспеченность. Гениальный артист Вилин умер в нищете. И другие пенсионеры тоже нищие. Почему пенсионер Золотухин должен себе что-то требовать? — Но, в отличие от других, вы могли бы зарабатывать, скажем, рекламой.

— Ну сколько ты на ней заработаешь? Это миф! Но если предложить — снимусь. Но отказываюсь ни от какого заработка. У меня пять внуков и три сына, которых тоже надо обеспечивать. Не говоря о себе.

Все люди — братья, мистика не в счет

— И все же грех вам жаловаться: и в театре заняты, и в кино приглашают. Вот перечислите последние работы.

Настроение актера мгновенно меняется на полный штиль. — Меня пригласили на роль Суворова в сериал «Альютанты любви». Замечательный материал у меня! Я играл Павла I с 92-го по 97-й год в Театре Российской армии, мне эта эпоха близка. Теперь режиссер Вадим Дубровицкий снимает фильм по трилогии Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Там у меня роль крестянина Ивана Сидорова. На днях поедем на натурные съемки в Шельково, усадьбу Островского. А на выходе — «Ночной дозор-2» и сериал «Мастер и Маргарита», где я играю Никанора Босого.

— А правда ли, что его съемки сопровождалась мистикой? Басилидаши даже голос теряли...

— Нет, в эту химию я вообще не верю! — И он опять будто заго-

рается изнутри. — Мистику во всем можно найти, если искать! Но я знаю, к примеру, что существует реинкарнация. Наши души возвращаются, и энергия одного человека переходит в другого. Также допускаю то, что мне говорила ведунья: «У тебя числа Лермонтова. Он родился в 1814-м, ты в 1941-м, он погиб в 1841-м, значит, у тебя роковое число — 2014 год. Или что-то произойдет, или умрешь». Но мне ближе другие числа. Мама как-то сказала: «Когда я умру, вы сложите число отца и мое, поделите пополам — столько вы должны с братом прожить». Ей было 93, отцу 82. Мы поделили, вышло каждому по 87 лет. В это я верю. — Он задумался. — Я человек, пытающийся верить в Бога. Мой сын-священник, Де-

У Ирины достаёт ума не донимать меня разговорами о разводе, а у Тамары — не устраивать в доме ад.

нис, говорит: «Ты когда кошку видишь, через левое плечо плюешь? Ты скажи: не верю в приметы, верю в Бога». А мы ради благополучия во что угодно верим... — Но разве не слепая вера в себя сделала вас тем, кто вы есть? Из автобиографической повести «На Исток-речушку»: «...они его «Костыль-трест» бразили. А он артистом стать хотел... Прогнать из-под самого неба в золотом костюмчике на спине коней двумя своими ногами... Он еще закружает своих коней, и они вырвут его на Млечный Путь...»

— Вера в свои силы — мощный двигатель! И тщеславие, и честолюбие — большие энергетические составляющие успеха. Я никогда не сомневался, что стану артистом. Хотя был на грани — я же хромал, и меня могли не принять, но я всех обманул, выхлуп перед комиссией, и этого не заметили.

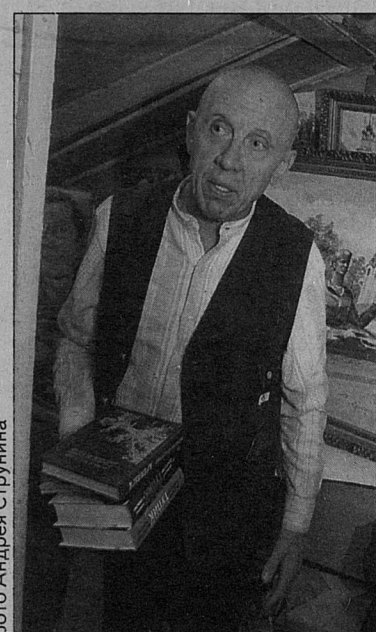
— А можно просчитать успех?

— Я бы математически к этому не подходил. Мне близка позиция Сальери — «ремесло поставил я подножием искусству».

— Это важная, потрясающая для каждого художника формула. Не будем брать в расчет гениев, с них какой спрос? А что касается нас, смертных, мы должны осваивать ремесло. Безусловно, с учетом данных от папы с мамой и Бога. Ведь без таланта — ну-

Вечно молодой папа: с сыном Сергеем, 1979 год; с сыном Иваном, 2005 год

«Вот эти книги прочтите и приходите»

да. Хотя бывает и так, что способностей вот на столько, а человек добился всего трудом и удачливостью и тем, что вовремя оказался в нужном месте!

— А может ли чужая зависть погубить талант?

— Я с этим не сталкивался, а то, что мне рассказывали колле-

ги, отношу к мелочам. Это больше распространено среди дамского общества, чем среди мужиков. Вообще женщины по природе своей... ну, в них больше драки, что ли... потому что инстинкт женский сложнее. Мужики примитивнее. У них все здоровее в отношениях.

— Мне кажется, ваши отношения с Высоцким тоже были сложными... Жалеете о чем-нибудь?

— Для меня он — живой! ЖИВОЙ! Нет ощущения, что его нет. У нас идет общение. Он мне снится, и мы разговариваем. Меня не касается, что говорят или снимают о нем другие, накручивают про наркотики... Меня интересует только его творчество. Мой Высоцкий, с которым мы 16 лет играли, снимались, как ушел веселым и талантливым, таким и остается.

Из этюда о бедной гласной: «1981... Пришла записка: «А правда, что вы завидуете Высоцкому чистой завистью?»... «Да, я завидую Владимиру Высоцкому, но только не чистой, а самой черной завистью, какая только бывает. Я, может быть, так самому Пушкину не завидую, как Высоцкому, да потому что имел честь и несчастье быть современником последнего». Промолк? Несоразмерно? Но ведь иные считают и говорят, как обухом подбых и наотмашь: «Высоцкий? Мы такого поэта не знаем». А истина... Да разве не существует она вне наших мнений, вкусов, словесных определений?»

Живу, как султан

— У вас две жены — официальная Тамара и неофициальная Ирина. Как женщины относятся к своему статусу?

— Есть жена — та, которая с тобой зарегистрирована, по паспорту. И любимая женщина, которая захотела родить ребенка, но я не могу назвать ее женой. У Ирины достаёт ума не донимать меня разговорами о разводе, о совместной жизни, а у Тамары — изначально не устраивать в доме ад. Это происходит интуитивно. Женщины больше сердцем руководствуются. И так они мне обе хорошую жизнь создают. У меня мусульманский вектор при православной государственности получился. Просто повезло.

— Есть чему позавидовать?

— Все завидую! И могут хотеть леной бешеной исходить. И я бы сам себе только завидовал. Написал с Тамарой отношениям уже 30 лет. Она мне дорога по разным причинам и уже давно больше, чем жена. Но это не значит, что ей не больно. Так же, как и Ири-

не не доставляет удовольствия, когда я ухожу, а Ванька остается с ней. Смотрит на дверь, куда это папа уходит, почему уходит... И мне тоже уж не совсем так сладко и весело на самом деле.

— Ну так живите все вместе в одном большом доме.

— Ох, давайте оставим мечты свои... Когда Ванька родился, я сказал, что теперь нужно девочку, газеты написали: «Золотухин мечтает о девочке». Но мечты есть мечты...

Храм начал строить из «шкурных интересов»

— Храм в Быстром Истоке за чем строили?

— Ох, тысячу раз рассказывал... Выходила моя книга «Дребезги», я должен был получить большой гонорар и заплатить государству, когда можно отнять на благо дело — в детдом или на храм? И я говорю: «О! В беде когда-то был храм, он разрушился, туда гонорар и отдам». Слово-то сказал, а гонорар получил мизерный, началась инфляция, и я вынужден был сам продавать книжки. Но первый взнос успел сделать. Из абсолютно, так сказать, шкурного интереса. А там уже пошло-поехало, стал заниматься этим всерьез, собирать с миру по нитке. Это была тяжелая дорога. Вспоминаешь иногда и в холодном поту просыпаешься. Односельчане уже не верили. А дело шло потихоньку. И когда мне исполнилось 60 лет, понял, что каменный проект не потяну, и построили деревянную. За это я получил орден Князя Даниила Московского второй степени от Патриарха. Очень горжусь им.

— Но что вам это дало в духовном смысле?

— Ну что за бред какой-то! — вскипает Золотухин. — Как будто мы с Богом играем в дашь на дашь! Ты мне это, я тебе то, буд-то взяли от Бога! Что дает человеку вера? То она мне и дает! Вот вы — верующий человек?

— Верю... В высший разум.

— Знаю я эти сказки! Ну ладно, давайте дальше ваши вопросы.

Евдокимов погиб по глупости

— Вы жалеете о несыгранных ролях, о которых мечтали?

— Я работаю 40 лет в таком

театре, где мечтать не особенно разрешается. Володя просил сыграть Гамлета и сыграл. Но это характер! Он мог требовать, а я нет! И никогда ничего не требовал и не просил. Мне судьба подарила такие роли, как Володя — в «Добром человеке из Сезуана», Глебов в «Доме на набережной», Кузькин в «Живом».

Но артист никогда не бывает сыт и доволен. Хотя десять Гамлетов сыграл. Такова природа. А если сыт, то конец! Если не Гамлет, то Альцест, если не это, то маркиз де Сад. У меня там четыре философских монолога, в которых можно вложить все, что ты думаешь про время и про себя. От имени де Сада и от имени Золотухина.

— И все же будь ваша воля...

— ...я бы прекратил войну в Чечне, — тяжело вздохнул. — Это трагедия России.

— Вы не хотели бы пойти во власть и попытаться изменить что-то?

— Нет-нет! — Валерий Сергеевич страшно удивляется вопросу. — Я весь в себе, мне этого достаточно... Я хотел бы играть политиков, но не быть политиком. Да, я живу в обществе, и если бы меня ничего не волновало, я бы не играл с такой болью и кровью...

— А как вы относитесь к лю-

дям искусства, идущим в политику? Как ваш покойный друг Михаил Евдокимов...

— Я к этому отношусь с пониманием и уважением. Если есть этот гражданский ген, пафос, потребность. Вот Михаил знал, что так жить нельзя, одеваться, питаться, ездить на таких машинах. Ему было больно за своих соотечественников. А в моей гражданской позиции нет такого общественного запала. Я нормный человек. Я могу писать про это, играть про это. Но само по себе это занятие мне чуждо, противно.

— Мишель Легран говорил, что если человек искусства идет в политику, то он разрушается как творческая личность.

— Всякая власть развращает. Но люди идут туда. Не пошел бы Евдокимов, был бы кто-то другой. А Евдокимов человек уникальный, блистательный артист, умнейший человек. Когда это случилось, Россия выдохнула: «Убили!» Но когда я приехал на место...

— Сразу приехали?!

— Через три-четыре часа. Я был в это время в Белокурихе, в восьмидесяти километрах. И что бы ни говорили, было очевидно — причиной всему ошибка водителя. Может, вам стоит написать об этом? Наш общий друг академик Александр Савелов-Дерябин, прилетевший на Алтай из Москвы за несколько дней до трагедии, рассказал мне, что, когда водитель Миши встретил его в Барнауле и повез по трассе, сильно гнал. И Александр спросил его: «Зачем такая скорость?» Тот отвечает: «Ничего, посторо-нясь». А какая нужда с такой скоростью ехать? Он же возил все-таки губернатора, прости меня Господи. — Валерий Сергеевич перекрестился. — Вопиющая ошибка! У этих гоним есть неоднократные свистели. Но народ не переубедишь. Мне тут же стали говорить, что подвину-тили гайки, что ослепили, что это можно сделать...

Валерий Сергеевич горестно и надолго замолк. И стало понятно, что интервью закончилось...

— А как вы относитесь к лю-

■ Татьяна Огнева.

В центре — крестные Ванька: Наталья Линдт и Михаил Евдокимов. Слева — неофициальная жена Ирина Линдт, 23 апреля 2005 г.

Интервью с Валерием Золотухиным запомнится мне навсегда. Сначала два месяца телефонных переговоров. И долгожданное:

— Сегодня в 20.00 у служебного входа в Театр на Таганке.

...Он беседует с кем-то по телефону возле гардероба. Наконец мило здороваемся и идем в его примерную, шумит по пути. Садимся напротив, достаю диктофон... А он вдруг говорит: — Вы же меня не уважаете, не знаете! —

— Хотите магнитофоном отследить? Какие спектакли вы смотрели?

Я от неожиданности теряю дар речи, а он настаивает:

— А книги мои вы читали? Нет?! Могли бы попросить, я бы дал. Могли бы позвонить, я бы пригласил вас на свой спектакль. Вот — прочитайте сперва, и тогда поговорим. — Вручает стопку книг.

А через неделю снова:

— Ну, давайте в 20.00 на служебном входе...

Дежавю: опять говорит по телефону у гардероба.

— А я вас жду... Забыл, что меня пригласили на одну тусовку, вручить что-то надо. Пойдете со мной?

«Тусовкой» оказались «Светские итоги года» в клубе-казино. На парадной лестнице на Золотухина набрасывается толпа с фотоаппаратами. Пытаюсь выйти из кадра, но чувствую на плече его руку.

— Теперь напишут про мою новую пассию! — так он шутит. — А я специально скажу, чтобы написали!

...За вечер он почти ничего

не ел, пригубил яблочного сока и повторил, что не пьет водку.

Я вспомнила абзац из его дневников: «25 июля 1980... Зинка Славина затаскала меня в примерную: «Ты следующий! Спохватилась: «И Бортник... Кто тебя дома окружает, кроме жены? Кто тебе... подносит первую рюмку? Я видела сон страшный. Я Ирку сказала. Не веришь — позвони ей!» — «Зина! Володя умер!!! Зачем мне разгадывать твои сны?»

Может, потому он теперь без алкоголя живет. Одна у актера Золотухина слабость осталась — женщины.

— Валерий Сергеевич, вы в какой стране хотели бы жить?

— Смотря с кем! — лукаво усмехается. — Для меня этот вопрос всегда открыт.

— Но у вас же жена и...

— Любить по-настоящему можно только вне брака. Хорошую вещь браком не назовут.

— А женщины вы каким образом добиваетесь?

— М-м-м... Свообразным.

Вобщем, третья встреча была назначена еще через несколько дней.

У меня пенсия — 691 рубль

— Читала ваши дневники и думала: чего в вас больше — писательской или актерской сущности?

— Когда-то я задавал себе

вопрос: «Кто ты есть, Валерий Сергеевич Золотухин? Зачем в 17 лет ушел из села, зачем?» Вот зачем я ушел? — пристально смотрит на меня.

— За мечтой... Артистом стать хотел.

— Вот! И поступил в театральный вуз. И этим артистом стал. И думал я так: по пути ты, Валера, еще начал заниматься литературой, детопроизводством, петь стал, но не гневи Бога. Кормит тебя что? Твое ремесло. Конечно, и книги поддерживают. И вообще это взаимосвязано.

— Не будь вы артистом, не стали бы писать?

— Думаю, нет. Мама хотела, чтобы я стал врачом, папа — агрономом. Не знаю, куда бы меня повело. Но писательство во мне загорело с первым сочинением в школе, за которое я получил кол.

И внимание к слову написанному у меня уже тогда было. А когда опубликовал первые повести, писатели говорили: «Брось ты эту ерунду актерскую, это не вечное. А книга — то, что остается после человека!» Ты писатель, Богом данный! Но человек, вкусивший славы, отказаться от этого не может. Он к сцене прилепчат!

— А вы пытались отказаться?

— Я пытался! Пытался! Но не смог! Когда писал «Дребезги», думал, уйду, отращу бороду и буду писать. Но потребность играть настолько сильна! Это вообще вопрос серьезный. Шукшин тоже мечтал все бросить и уйти. Но никогда бы этого не сделал! И писал в таких условиях, в которых нормальный человек писать не может — на тумбочках, под кустом, на кухне...

— А вы пытались отказаться?

— Я пытался! Пытался! Но не смог! Когда писал «Дребезги», думал, уйду, отращу бороду и буду писать. Но потребность играть настолько сильна! Это вообще вопрос серьезный. Шукшин тоже мечтал все бросить и уйти. Но никогда бы этого не сделал! И писал в таких условиях, в которых нормальный человек писать не может — на тумбочках, под кустом, на кухне...

— А правда ли, что его съемки сопровождалась мистикой? Басилашвили даже голос терял...

— Нет, в эту химию я вообще не верю! — И он опять будто заго-

«Мы с Тамарой 30 лет! Она мне больше, чем жена». 2001 г.